

К. В. КАСПАРОВА

**О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ  
ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ**

Несмотря на значительные успехи последних лет в области изучения зарубинецкой культуры, до сих пор многие актуальные вопросы остаются дискуссионными. Не прекращаются споры и об исторической судьбе носителей зарубинецкой культуры и их роли в славянском этногенезе. В этой связи чрезвычайно важно наиболее точно определить конечную дату существования оставленных ими памятников. Ю. В. Кухаренко относит ее к концу I — середине II в. н. э. А. К. Амброз считает, что зарубинецкие могильники были заброшены не позднее конца I в. н. э.<sup>1</sup> Такого же мнения придерживался и ряд других исследователей<sup>2</sup>. Прекращение жизни на зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья в середине — конце I в. н. э. убедительно аргументировано Е. В. Максимовым<sup>3</sup>.

П. Н. Третьяков считает, что зарубинецкие племена жили там вплоть до конца II — начала III в. н. э.<sup>4</sup> Л. Д. Поболь и В. Н. Даниленко говорят о существовании зарубинецкой культуры даже в III—IV вв. н. э.<sup>5</sup>

Проблема хронологии часто усложняется тем, что некоторые исследователи объединяют зарубинецкую культуру в ее классическом облике с культурой населения, оставившего памятники постзарубинецкого времени, именуя их «поздnezарубинецкими». Тем самым подразумевается генетическая и хронологическая преемственность между этапами развития культуры, что в данном случае еще не доказано. Вопрос об их соотношении чрезвычайно сложен и пока не может считаться решенным окончательно. Для правильного понимания исторической ситуации на рубеже нашей эры на Полесье, Волыни и Поднепровье в первую очередь необходимо строго выделять древности классической зарубинецкой культуры со всеми ей одной присущими признаками.

В настоящей статье не рассматриваются постзарубинецкие памятники и сложная проблема их взаимоотношений с зарубинецкими, это тема специального исследования, здесь мы остановимся только на вопросе о верхней дате последних. Однако различия в определении зарубинецкой культуры обуславливают расхождения в ее датировках, а также противоре-

<sup>1</sup> Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, Д1-19, М., 1964, стр. 52—54; А. К. Амброз. Фабулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 16.

<sup>2</sup> М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. Сб. «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967, стр. 46; В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970, стр. 38.

<sup>3</sup> Е. В. Максимов. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972, стр. 114, 115, 135.

<sup>4</sup> П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. МИА, 179, 1970, стр. 38—40.

<sup>5</sup> Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск, 1973, стр. 27, 33—40, рис. 8—10; В. Н. Даниленко, В. П. Дудкич, В. А. Круц. Археолого-магнитная разведка в Киевской области. АИУ, 1967, стр. 214.

чия, наблюдаемые у одних и тех же специалистов. Поэтому уточним еще раз, что, употребляя понятие «зарубинецкая культура», мы имеем в виду совокупность памятников, объединенных наличием достаточно типичных и ярко выраженных элементов материальной и духовной культуры, обстоятельная характеристика которой дана в сводной работе Ю. В. Кухаренко в основном в пределах очерченной им территории<sup>6</sup>. В настоящее время границы ее частично могут быть уточнены, что для Среднего Поднепровья сделано Е. В. Максимовым<sup>7</sup>. В отношении Полесья значительных изменений не произошло — памятников, принадлежность которых к зарубинецкой культуре убедительно доказана, за пределами карты Ю. В. Кухаренко появилось немного.

Л. Д. Поболь расширяет границы зарубинецкой территории совершенно необоснованно. В число зарубинецких им включен целый ряд пунктов, где были найдены отдельные фрагменты керамики «зарубинецкого типа» или лишь напоминающие зарубинецкие<sup>8</sup>.

Среди памятников классической зарубинецкой культуры, как полагает большинство исследователей, нет ни одного, который можно было бы датировать позднее конца I в. н. э. Еще раньше, как мы предполагали, к середине I в. н. э. перестали функционировать могильники Полесья<sup>9</sup>. Тщательный анализ имеющихся данных позволяет уточнить эту дату и более убедительно ее аргументировать. Для этого следует опираться лишь на материалы могильников, которые дают закрытые комплексы, пригодные для надежных хронологических выводов.

Хронология зарубинецкой культуры, а особенно полесской группы, где в противовес Среднему Поднепровью отсутствуют античные импорты, базируется на фибулах. Среди них наиболее поздними, определяющими верхнюю границу памятников, являются фибулы позднелатенской схемы. Для датировок обычно используется классификация фибул, предложенная А. К. Амброзом<sup>10</sup>. Датируя позднелатенские фибулы, А. К. Амброс опирался на общепринятую хронологию периода позднего латена, охватывающего, по Р. Хахманну, весь I в. до н. э., а также исходил из датировок близких типов фибул Центральной Европы и памятников Северного Причерноморья. Фибулы позднелатенской схемы, выделенные в группу «воинских», А. К. Амброс датировал I в. н. э., предполагая даже возможность ограничить их время первой половиной века<sup>11</sup>; фибулы «бойев» — концом I в. до н. э. — началом I в. н. э.; «рамчатые» по Чаплинскому могильнику им отнесены ко второй половине I в. до н. э. и частично к I в. н. э.

При датировке вариантов «воинских» фибул А. К. Амброс осторожно указал весь I в. н. э.<sup>12</sup>

Материалы памятников Северного Причерноморья, откуда происходят немногочисленные находки фибул позднелатенской схемы, к сожалению, не могут уточнить датировку. Исследователи обычно придерживаются такой же даты. М. И. Вязьмитина при определении времени ряда погребений Золотобалковского могильника опирается на хронологию «воинских» фибул по Амброзу.

<sup>6</sup> Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 5 сл., рис. 1, 3.

<sup>7</sup> Е. В. Максимов. Ук. соч., стр. 18, 117, рис. 1.

<sup>8</sup> Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971, стр. 4, рис. 80 (вкладка); *его же*. Славянские древности [Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.)]. Минск, 1974, стр. 25, рис. 1 (вкладка); например, пункты № 192, 193, 195, 421, 437, 458, 676, 701, 895, см. стр. 167, 236, 273, 240, 292, 295, 296, 336.

<sup>9</sup> К. В. Каспарова. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры. АСБГЭ, 17, Л., 1976.

<sup>10</sup> А. К. Амброс. Ук. соч., стр. 22—25.

<sup>11</sup> Там же, стр. 16.

<sup>12</sup> А. К. Амброс. Ук. соч., стр. 23—25.

Среди девяти опубликованных «воинских» фибул из Золотобалковского могильника семь экземпляров с плоской или проволочной спинками, близкие зарубинецким. Четыре погребения, из которых происходят фибулы, имеют широкую дату — I в. н. э.: погр. 2 из могилы 60 — по дисковидному зеркалу и фибуле, о которой идет речь; погр. 1 из могилы 6, погр. 3 из могилы 65 и могила 66 — также по фибулам. Погребение 4 из могилы 51 датировано рубежом нашей эры тоже на основании фибулы. Погребение 2 из могилы 29 отнесено к рубежу I в. н. э., вероятно, тоже по фибуле<sup>13</sup>. Последняя из интересующих нас фибул этого могильника (маленькая, проволочная с треугольным сплошным приемником) находилась в погр. 2 могилы 8, которое М. И. Вязьмитиной отдельно не датировано; дата же всей могилы — конец I — начало II в. н. э. — основана на составе инвентаря погр. 1 и не может относиться в равной степени к обоим погребениям. Совместное нахождение фибул с дисковидными зеркалами, трехперыми черешковыми наконечниками стрел, пряжкой не уточняют их датировку — эти предметы бытовали достаточно длительный период<sup>14</sup>.

Часто основанием для утверждения бытования «воинских» фибул в течение всего I в. н. э. служат немногочисленные находки таковых в памятниках Северного Причерноморья. В некрополе Ольвии найдено несколько экземпляров фибул, среди которых есть близкие известным в зарубинецкой культуре<sup>15</sup>. Происходят они из погребений «с вещами I в. н. э.», по определению А. И. Фурманской со ссылкой на Б. В. Фармаковского. Один комплекс позволяет уточнить дату фибул — могила 87 (1901 г.), где находились три фибулы, подобные «воинским» зарубинецким, краснолаковый канфар, с барботиновым орнаментом и стеклянный сосуд<sup>16</sup>. Т. Н. Книпович относит канфар к августовскому времени<sup>17</sup>, а каплевидные бальзамарии этого типа датируются не позднее середины I в. н. э.<sup>18</sup> Таким образом, этот комплекс не выходит за пределы первой половины I в. н. э. В других памятниках (Неаполь Скифский, Городок Николаевка) фибулы позднелатенской схемы датируются не позднее начала I в. н. э.<sup>19</sup> Иногда севернопричерноморские экземпляры привлекаются в качестве аналогий и служат основанием для датировок позднелатенских фибул из памятников зарубинецкой культуры. Так, Л. Д. Поболь, говоря о фибулах из Чаплинского могильника, относит их бытование до конца I в. н. э. по аналогии с ольвийскими, в том числе с упомянутыми выше из могилы 87<sup>20</sup>. Польская исследовательница Т. Домбровская в одной из своих работ пишет, что верхняя хронологическая граница зарубинецкой культуры опирается на датировку концом I в. н. э. «воинских» фибул Северного Причерноморья, ссылаясь на А. К. Амброза и А. И. Фурманскую<sup>21</sup>.

<sup>13</sup> М. И. Вязьмитина. Золотобалковский могильник. Киев, 1972, рис. 6,3; 7,12; 13,5; 24,6; 29,2; 31,8; 32,8, а также стр. 16, 19, 27, 35, 54, 65, 68, 69, 76, 131.

<sup>14</sup> А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 63, 64; его же. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 37—39.

<sup>15</sup> А. И. Фурманська. Фибули з розкопок Ольвії. Археологія, VIII, 1953, стор. 79, табл. II, 8, 10; А. К. Амброс. Ук. соч., стр. 25.

<sup>16</sup> ИАК, 8, 1903, стр. 89, 90, рис. 51, 60; фибулы — Гос. Эрмитаж, коллекция 0—1901—37 и 38.

<sup>17</sup> Т. Книпович. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. «Materialien zur römisch — germanischen Keramikherausgegeben der Römisch — Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts». Frankfurt a. M., 1929, S. 26—29, Abb. 5,2, Taf. I, 15.

<sup>18</sup> Н. З. Кунина и Н. П. Сорокина. Стеклянные бальзамарии Боспора. Тр. ГЭ, XII, 1972, стр. 150, рис. 1, тип. 1, 2, А.

<sup>19</sup> Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, 96, 1961, стр. 177; М. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok-Nikolaewka» am Dniepr, Gouv. Cherson, PZ, Bd V, Ht 4, 1913, S. 92—96.

<sup>20</sup> Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры), стр. 119, 120.

<sup>21</sup> Т. Домбровская. Wschodnia granica kultury przeworskiej w pozlym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim. MSTW. t. II, 1973, S. 193, 200.

Однако из приведенных данных следует, что хронология фибул позднелатенской схемы, найденных на памятниках зарубинецкой культуры, никоим образом не может опираться на находки близких типов в памятниках южных.

Обратимся к фибулам позднелатенской схемы, происходящим из собственно зарубинецкой культуры. В закрытых комплексах могильников Полесья найдено 53 фибулы такого типа. Среди них два экземпляра имеют рамчатые приемники, четыре — ажурные (фибулы «бойев»), один фрагмент с дырчатым приемником и 34 — со сплошным<sup>22</sup>. Как правило, фибулы имеют нижнюю тетиву. Спинки обычно круглые проволочные, реже пластинчатые. Взаимовстречаемость в комплексах фибул разных типов, в том числе и позднелатенских, показана на табл. 1, А. Подобные сочетания, как известно, не позволяют уточнить датировку интересующих нас фибул. Отметим лишь погр. 81, где находилась позднелатенская фибула с плоской спинкой и фибулы «бойев», редкие для Полесья, но хорошо датированные в Чехии началом I в. н. э.<sup>23</sup>

Взаимовстречаемость различных типов фибул Чаплинского могильника приведена на табл. 1, Б (по материалам Л. Д. Побоя). В противоположность Полесью здесь много рамчатых фибул (20), две с дырчатыми приемниками и 26 — со сплошными. Почти все имеют нижнюю тетиву, у большинства круглые проволочные спинки. В этом могильнике нет ни одного сочетания позднелатенских фибул с «зарубинецкими», как нет и самых поздних вариантов последних.

В могильниках Среднего Поднепровья (по опубликованным и отчетным данным до 1973 г.) обнаружено всего 12 экз., причем далеко не все из закрытых комплексов. Только в одном случае, насколько нам известно, обломок рамчатого приемника найден вместе с зарубинецкой фибулой IV варианта<sup>24</sup>.

Не будем останавливаться здесь на хронологическом расчленении могильников, отчетливо видном на приведенных рисунках, сейчас для нас важны только наиболее поздние хронологические показатели, для зарубинецкой культуры — фибулы позднелатенской схемы. Как видим, рассмотренные материалы не дают надежных данных для возможности сузить время их бытования. Не случайно мы оставили без внимания остальные находки, входящие в комплексы, поскольку, как правило, керамика и другие вещи почти всегда датированы теми же фибулами. Можно отметить лишь одну находку — поясной набор из Отвержичей, который находился вместе с фибулами зарубинецкого типа III варианта и проволочной среднелатенской. Поясной крючок имеет близкие аналоги в могильниках кельтов-скордисков Югославии и в памятниках ясторфской культуры Германии, что может служить основанием для датировки его не позднее начала I в. н. э., а скорее всего концом предыдущего столетия<sup>25</sup>. Но это лишь косвенные данные, несколько удрежняющие датировку фибул зарубинецкого типа. Значительно важнее для нас другое — попытаться уточнить хронологию<sup>26</sup> самих фибул этого типа, верхняя граница которых основывается на взаимовстречаемости их с позднелатенскими, что для наших задач создает замкнутый круг. Возможность такая как будто имеется, если допустить вполне вероятное предположение о происхождении зару-

<sup>22</sup> Остальные экземпляры фрагментированы.

<sup>23</sup> К. Motyková-Šneidrová. Zur Chronologie der ältesten römischen Kaiserzeit in Böhmen. BJV, t. 5, 1965, S. 109, 110.

<sup>24</sup> А. И. Кубышев. Отчет о раскопках могильника зарубинецкой культуры у с. Чаплавка-Пирогов Киево-Святошинского района, «Церковщина», в 1967 г. Архив ИА АН УССР, ФЭ 5016, стр. 4, 47.

<sup>25</sup> К. В. Каспарова. Могильник и поселение у дер. Отвержичи. МИА, 160, 1969, стр. 156; J. Todorović. Praistorijska Karaburma. I. Beograd, 1972, S. 69.

<sup>26</sup> А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 17, 18.

Могильники Полеся (А)

Чаплинский могильник (Б)

Могильники	№ погре- бений	Типы фибул										№ погре- бений	Типы фибул																
		1		2		3			4		5		2	3				4											
						II	III	IV						A	B	V	I	II	III	Г	В	Д							
Могильники Полеся II	105	×											XX																
	23																												
	33																												
	98																												
	85																												
	86																												
	93																												
81																													
Валемича II																													
Воро- нино	25	×																											
	29																												
Валемича I	60																												
	70																												
	76																												
	1																												
	46																												
Овер- жича	31																												
	26																												
	1																												
Семур- рады																													
	20																												

Условные обозначения: типы и варианты фибул. 1 — средняя расчлененная; 2 — среднелатенская проволочная; 3 — варубинского типа; 4 — варианты варубинского типа; 5 — позднелатенская; 6 — варианты вар. «Л» Костянского типа; 7 — проволочная с пласничкой и сплошной приемником; 8 — с проволочной спиной и рамчатый приемником; 9 — с проволочной спиной и дырчатый приемником; 10 — фибулы «бойев»; 11 — прогнутые подвьяные.

\* — фибула с четырехгранной спиной.

бинеецких фибул от близких им «копьевидных» Балканского полуострова<sup>27</sup>, которые датируются I и даже II вв. до н. э. Тем не менее пока наиболее обоснованным остается определение верхней хронологической границы позднелатенских фибул, а с ними и прекращение существования зарубинецких памятников по сопоставлению фибул этого типа с аналогичными в памятниках других культур с достаточно надежной хронологией.

За последнее десятилетие исследования европейских ученых в области хронологии позднего латена и раннеримского времени направлены на повышение достоверности хронологических рамок как археологических культур в целом, так и отдельных стадий их развития вплоть до четверти века и менее. Основанные на фундаментальных исследованиях Р. Хахманна и Г. Эггерса новые хронологические разработки, предложенные К. Мотыковой-Шнейдровой для Чехии, Р. Волангевичем — для Западного Поморья, Т. Льяной — для пшеворской культуры, позволяют пересмотреть некоторые принятые у нас датировки, в том числе и фибул позднелатенской схемы. Прежде чем перейти к этому вопросу, подчеркнем еще раз тот общеизвестный факт, что большинство фибул этого типа из зарубинецких комплексов по всем своим деталям очень близки западным образцам или отличаются незначительными особенностями. Отмечаем это лишь потому, что в классификации А. К. Амброза, принятой большинством наших исследователей, к сожалению, часто недостаточно четко выражено сопоставление с типологией фибул И. Костшевского для периода Латена<sup>28</sup>, на которой основаны хронологические схемы европейских ученых. Правда, касается это не типологии как таковой, а терминологии, предложенной И. Костшевским, которой продолжают пользоваться все западноевропейские исследователи. Безусловно, схема Костшевского, его терминология сегодня уже не удовлетворяют полностью — слишком велик и разнообразен новый материал, но она стала традиционной. Поскольку различия между фибулами из зарубинецкой культуры и из памятников оксывских и пшеворских не столь существенны, мы будем, пока не разработана новая терминология, пользоваться обозначениями фибул по Костшевскому, дабы разговаривать на одном языке. Так, большинство фибул типа «рамчатых» и «воинских» (с прямым и прогнутым корпусом и сплошным приемником) по Амброзу аналогичны вариантам «М» и «N» по Костшевскому пшеворской и оксывской культур. Часто отличие состоит только в расположении тетивы, которая у варианта «М» — верхняя, в то время как у подавляющего большинства фибул из зарубинецкой культуры, аналогичных этому варианту по всем другим деталям, она нижняя.

Иногда отличие состоит в пропорциях — у некоторых пшеворских и оксывских вариантов «M/N» длиннее приемник, у других сильнее выгнута спинка. Но и среди зарубинецких встречается много фибул с относительно длинным приемником, который занимает  $\frac{1}{3}$  или несколько более длины всей фибулы. Это экземпляры из могильников Чаплин, погр. 21, 115<sup>29</sup>; Велемичи I, погр. 61, 75; Велемичи II, погр. 52, 85, 101; (рис. 1, 22, 23, 25, 28, 30, 31, 32); чуть меньше  $\frac{1}{3}$  занимает приемник у фибул из Велемичи II, погр. 81; Отвержичи, погр. 1 (рис. 1, 26, 27)<sup>30</sup>.

Это соотношение такое же, как у фибул из могильников Варшково, погр. 108 и 178 (рис. 1, 9, 17), Нимица, погр. 9 (рис. 1, 18). Чуть меньше  $\frac{1}{3}$  занимают приемники фибул из погр. 5, 19, 71, Нимица; погр. 144, Варш-

<sup>27</sup> К. В. Каспарова О датировке фибул зарубинецкой культуры. «Новейшие открытия советских археологов» (тезисы докладов конференции). Киев, 1975, стр. 33.

<sup>28</sup> J. Kostrzewski. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenzzeit. Mannus Bibliothek, No. 18. Leipzig, 1919.

<sup>29</sup> Л. Д. Пობоль. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа...), рис. 17, 14; 38, 7.

<sup>30</sup> Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д 1—29, М., 1961, табл. 18, 18; 19, 20; К. В. Каспарова. Зарубинецкий могильник Велемичи. II. Асб. ГЭ, 14, 1972, рис. 19, 19 (Гос. Эрмитаж 2355/56); рис. 19, 13, 15, 20; Ю. В. Кухаренко. Памятники..., табл. 10, 6.

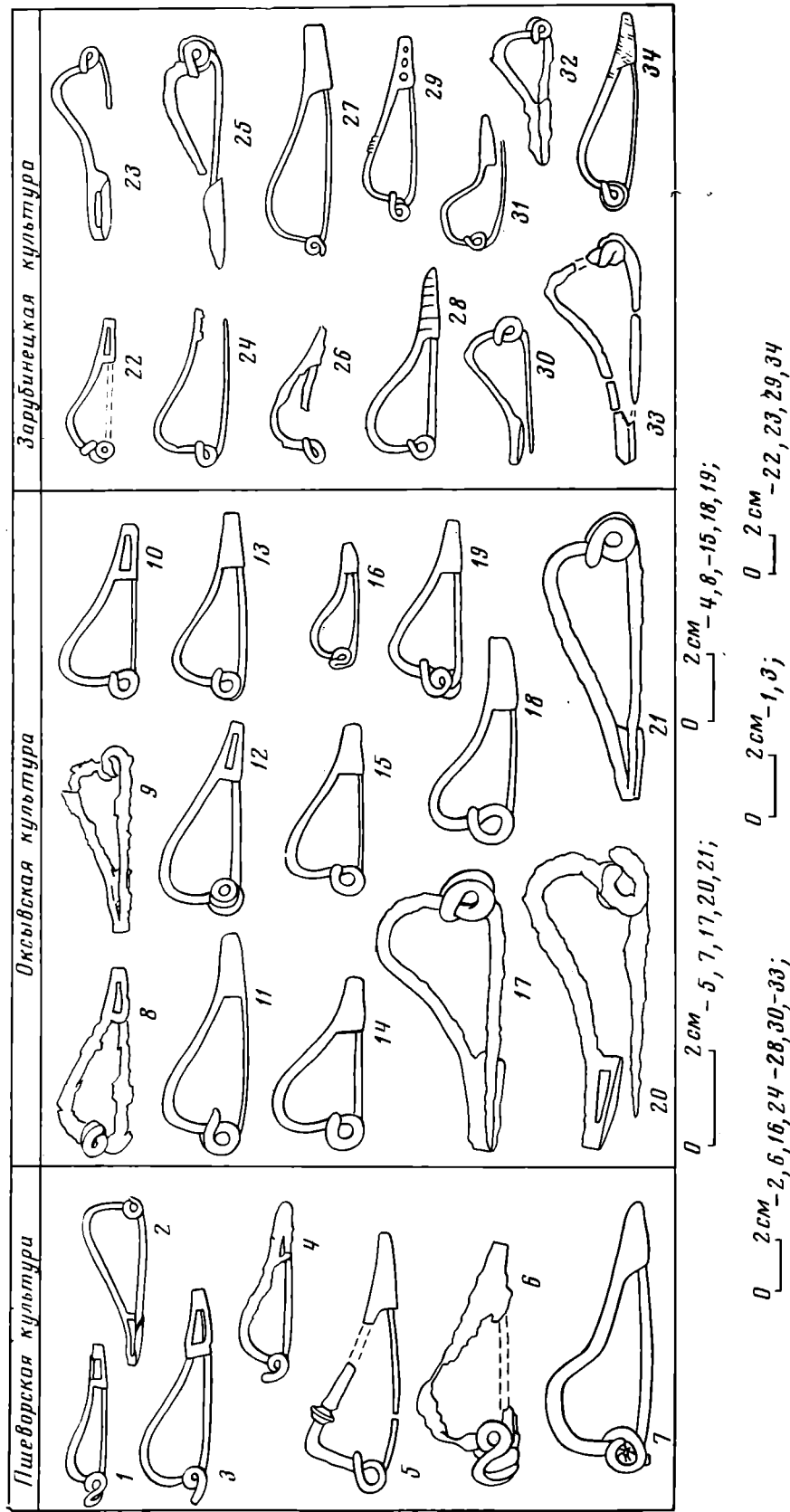


Рис. 4. Сравнительная таблица фибул позднелатенской схемы из могильников пшеворской, оксывской и зарубинецкой культур: 1 — Карчевец случайная находка; 2 — Карчевец, погр. 127; 3 — Карчевец, погр. 169; 4 — Вилянув, погр. 32; 5 — Добжанково, погр. 29; 6 — Вилянув, погр. 19; 7 — Добжанково, погр. 27; 8, 9 — Варшково, погр. 108; 10, 14, 15 — Нимица, погр. 5; 11 — Нимица, погр. 1; 12 — Нимица, погр. 71; 13, 19 — Нимица, погр. 19; 16 — Нимица, погр. 91; 17 — Варшково, погр. 178; 18 — Нимица, погр. 9; 20 — Варшково, погр. 144; 21 — Варшково, погр. 74; 22 — Чаплин, погр. 115; 24 — Велемичи II, погр. 50; 25 — Велемичи II, погр. 101; 26 — Велемичи II, погр. 81; 27 — Отвержици, погр. 1; 28 — Велемичи I, погр. 229; 30 — Велемичи I, погр. 75; 31 — Велемичи I, погр. 61; 32 — Велемичи II, погр. 52; 33 — Отвержици, погр. 85; 29 — Чаплин, погр. 24; 34 — Чаплин, погр. 47

ково; погр. 19, и 32, Вилянув; погр. 169, Карчевец (рис. 1, 3, 4, 6, 10, 12, 14, 15, 19, 20)<sup>31</sup>.

Среди польских фибул достаточно много и с довольно коротким приемником ( $1/4$  или чуть больше всей длины). Это экземпляры из Добжанкова, погр. 27, 29; Карчевца, погр. 127; и находка вне погребений; Нищицы, погр. 1, 19, 91; Варшкова, погр. 74, 108 (рис. 1, 1, 2, 5, 7, 8, 11, 13, 16, 21)<sup>32</sup>. Очень близки им зарубинецкие фибулы из Чаплинского могильника, погр. 129, 229, 47 и др., из Велемичей I и II, погр. 69 и 50, из Отвержичей, погр. 24 (рис. 1, 29, 34)<sup>33</sup>.

У некоторых приемник составляет даже  $1/5$  всей длины, но у них сильно выгнутая спинка, что особенно сближает их с польскими (рис. 1, 24, 33).

Приведенные примеры, по нашему мнению, убедительно показывают правомерность сравнения «воинских» и рамчатых фибул зарубинецкой культуры с пшеворскими и еще более с оксывскими вариантами «М» и «N». Полностью тождественны они и не могут быть, ибо почти не встречаются совершенно одинаковые фибулы даже на одном памятнике. Но их сходство позволяет судить и о хронологической близости.

Всеми европейскими исследователями характерными для позднелатенской фазы III принимаются фибулы вариантов «М», «N», «O», которые рассматриваются как хронологические показатели этой фазы совместно с другими формами инвентаря (на которых мы здесь останавливаться не будем). В пшеворской культуре эти варианты очень редко встречаются с фибулами среднелатенской схемы и тем более с раннеримскими<sup>34</sup>.

Для оксывской культуры Западного Поморья хронологические разработки, проведенные Р. Волангевичем, дают такую же картину — интересующие нас фибулы варианта «М» и «N» выступают в поздней фазе позднелатенского периода — Д по Хахманну (или А<sub>3</sub>, согласно предложенной недавно схеме Р. Волангевича). Ему удалось выделить фазу переходную (Е, или А<sub>3</sub>/В<sub>1</sub>) между позднелатенским и раннеримским периодом<sup>35</sup>. Анализируя фибулы варианта «N», широко представленные в могильниках Варшково и Нищица, он выделяет среди них четыре разновидности, в числе которых фибулы с круглой проволочной спинкой со сплошным приемником и фибулы с пластинчатой спинкой и ажурным приемником. Вариант «N» с проволочной спинкой, сочетаясь в закрытых комплексах с вариантами «J» и «M», составляет более раннюю группу, в то время как фибулы варианта «N» с пластинчатой спинкой не взаимодействуют с ними, а сочетаются с вариантом «O» и фибулами типа A19, A12 A44/45, на основании чего их следует относить к более поздним<sup>36</sup>. Весь остальной инвентарь в погребениях обеих групп представлен однотип-

<sup>31</sup> R. Wołagiewicz. Smentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Niemicy, pow. Sławno. MZP, X, 1964, tabl. I, 4—6, 9; II, 2; VIII, 4; *idem*. Smentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Warszkwowie, pow. Sławno. MZP, XI, 1965, tabl. XVI, 9; XXIII, 10; XXV, 3; T. Dąbrowska. Smentarzysko kultury przeworskiej w Karczewcu, pow. Węgrow. MStW, t. II, 1973, tabl. XLV, 3; J. Marchiniak. Smentarzysko ciałopalne z okresu późnolateńskiego w Wilanowie koło Warszawy. MSt, t. 2, 1957, tabl. XIX, 6; XXIX, 15.

<sup>32</sup> J. Okulicz. Smentarzysko z okresów późnolateńskiego i rzymskiego w miejscowości Dobrzankowo, pow. przasnysz. MStW, I, 1971, rys. 36b; 39d; T. Dąbrowska. Smentarzysko kultury... tabl. XXXIII, 3; XLIX, 19; R. Wołagiewicz. Smentarzysko..., MZP, X, 1964, tabl. I, 2, II, 2, X, 7; *idem*. Smentarzysko..., MZP, XI, 1965, tabl. X, 3, VXI, 8.

<sup>33</sup> Л. Д. Поголь. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа...) рис. 25, 8, 9; 41, 12; 63, 2; Ю. В. Кухаренко. Памятники..., табл. 19, 5; К. В. Касперова. Зарубинецкий могильник..., рис. 19, 12; *еже же*. Могильник и поселение. рис. 15, 10.

<sup>34</sup> J. Marciniak. Op. cit., s. 142, 143, 151—155; T. Liana. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim. WA, XXXV, z. 4, 1970; s. 440; T. Dąbrowska. Wschodnia granica..., s. 170; *idem*. Smentarzysko kultury..., s. 516.

<sup>35</sup> R. Wołagiewicz. Smentarzysko..., MZP, XI, 1965. s. 239—241; *idem*. Stan badań nad wybranymi problemami okresu późnolateńskiego na Płmorzy. Zagadnienia okresu lateńskiego w Polsce. Prace komisji archeologicznej, No. 10, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 82, 83.

<sup>36</sup> R. Wołagiewicz... MZP, XI, 1965, s. 216, 217; *idem*. Stan badań..., s. 83, 84.



ными позднелатенскими формами — инновации касаются в первую очередь самых изменчивых украшений — фибул. Таким образом, фибулы позднего варианта «N» наряду с другими служат хронологическими показателями переходного периода, являясь в то же время прототипами форм, характерных для следующего хронологического отрезка — стадии В<sub>1</sub>, где интересующие нас фибулы уже неизвестны.

В зарубинецких комплексах встречаются фибулы типа варианта «N» с ленточной спинкой и сплошным приемником<sup>37</sup>, но нет разновидности с ажурным приемником, которые Р. Волангевичем выделены в позднюю группу и являются хронологическим признаком переходной фазы Е. В зарубинецких погребениях иногда сочетаются фибулы с проволочной спинкой и с пластинчатой (Отвержичи, погр. 1), а также проволочные с рамчатыми (Чаплин, погр. 37, 47, 122) и с фибулами с дырчатым приемником (Чаплин, погр. 192, 229). Однако только один комплекс дает возможность предположить, что зарубинецкие фибулы варианта «N» с пластинчатой спинкой несколько позднее, чем с проволочной — это погр. 81, Велемичи II, где такая фибула сочеталась с фибулами «бойев», редкими как для Полесья, так и для позднелатенских памятников Польши. К. Мотыкова датирует фибулы «бойев» первыми десятилетиями нашей эры<sup>38</sup>.

На рис. 2 представлена схема синхронизации относительной и абсолютной хронологии некоторых культурных областей Средней Европы и области Полесья для поздней фазы позднелатенского и раннеримского периодов на основании данных ряда исследователей.

Хронологическая схема Г. Эггерса, согласно которой стадия В<sub>1</sub> падает на время от 0 до 50 г. н. э., в свое время была скорректирована Р. Хахманном. Опираясь на находки в некоторых римских лагерях отдельных фибул позднелатенского характера, он предлагал продлить время позднелатенского периода до позднеавгустовского времени<sup>39</sup> (рис. 2). Подобную датировку поддерживали и другие исследователи<sup>40</sup>. По мнению К. Мотыковой, римский период в Чехии следует начинать от начала нашей эры, а для Западного Поморья Р. Волангевич отмечает некоторое его запаздывание, примерно на выделенный им хронологический отрезок переходного характера — фазу Е, которая соответствует фазе I стадии В<sub>1</sub> по схеме К. Мотыковой. К. Мотыкова отмечает, однако, что в фазе I — В<sub>1</sub> еще сохраняются позднелатенские черты и хронологические границы здесь весьма расплывчаты. Предыдущая фаза, Д или А<sub>3</sub>, завершающая позднелатенский период для Поморья, соответствует фазе А позднего латена для Чехии<sup>41</sup>. Выделение выраженной границы между двумя периодами потребовало пересмотра абсолютной даты конца позднего латена и начала В<sub>1</sub> и для Западного Поморья. Р. Волангевич считает возможным фазу Д (или А<sub>3</sub>) начинать от появления фибул варианта «J» и близких им наухеймских, время которых — последние десятилетия до нашей эры<sup>42</sup>, а переходную фазу Е он относит к рубежу — началу нашей эры<sup>43</sup>. Начало фа-

<sup>37</sup> Ю. В. Кухаренко. Памятники..., табл. 17, 19; 18, 19; К. В. Каспарова. Зарубинецкий могильник..., рис. 19, 19—22.

<sup>38</sup> К. Motyková-Sneidrová. Op. cit., s. 109, 110.

<sup>39</sup> H. J. Eggers. Zur Absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im frien Germanien. JRGZM, 2, 1955; R. Hachmann. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. BRGK, 41, 1960, Berlin, 1961, S. 231, 255—258.

<sup>40</sup> G. Domański. Stan i potrzeby badań nad osadnictwem dorzecza Nysy Łużyckiej i Borby w okresie późnolateńskim i wpływów rzymskich. AP, t. XV, z. 1, 1970, s. 121 (и примеч. 38).

<sup>41</sup> R. Wołągiewicz. Stan badań... s. 84, 85; *idem*. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju. AP, XV, z. 1, s. 236; K. Motyková-Sneidrová. Op. cit., s. 105, 168—172.

<sup>42</sup> J. Werner. Die Hauheimer Fibel. JRGZM, 2, 1955, s. 170; J. Filip. Keltové ve Střední Evropě. Praha, 1956, s. 115.

<sup>43</sup> R. Wołągiewicz. Cmentarzysko..., MZP, XI, 1965, s. 215, 241; *idem*. Chronologia względna okresu wczesnorzymskiego na Pomorzu Zachodnim w świetle niektórych jej wyznaczników. MZP, XII, 1966, s. 179—181.

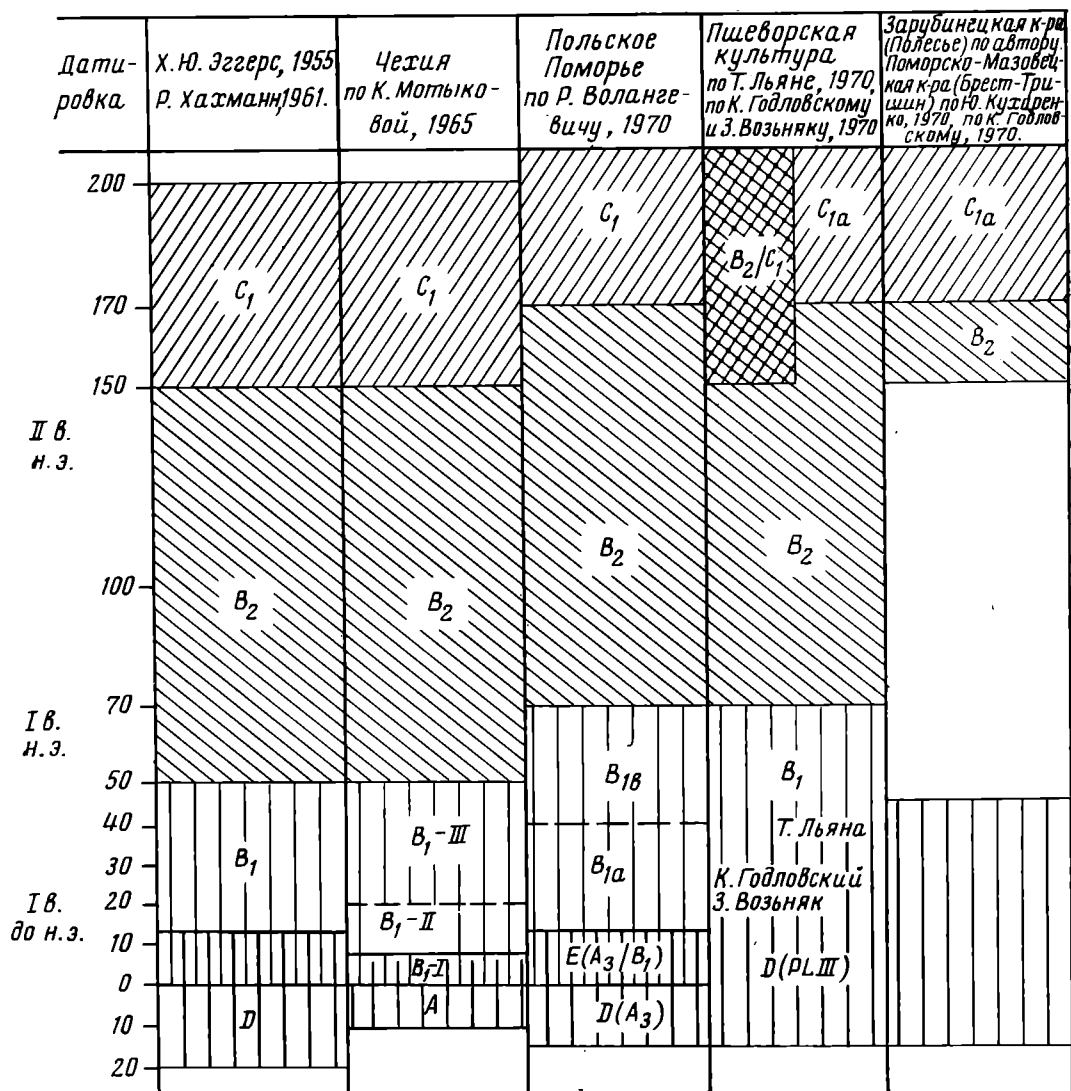


Рис. 2. Схема синхронизации относительной и абсолютной хронологии некоторых культурных областей Средней Европы и области Полесья для поздней фазы позднелатенского и раннеримского периодов

зы Д уточняют К. Годловский и З. Возьянк — около 15 г. до н. э.<sup>44</sup>

В последних своих работах Р. Волангевич, опираясь на появление надежно датированных импортов в Поморье и хронологию исторических событий в Чехии (в государстве Марбода), активно связанных в этот период, предлагает для Поморья отнести начало  $B_1$  к 10 г. н. э., разделяя эту стадию на  $B_{1a}$  (10—40 гг.) и  $B_{1b}$  (40—70 гг.)<sup>45</sup>. Однако следует иметь в виду, что эти даты даются по импортам, которые появляются раньше, чем формируется весь новый характер культуры.

На территории пшеворской культуры позднелатенские формы переживают несколько дольше. Т. Льяна считает, что распространение стиля, характерного для раннеримской эпохи, знаменуется массовым появлением фибул типа A68, т. е. лишь около 40 г. н. э. До этого времени в пшеворе господствуют фибулы вариантов «М», «N», «O», а также тип A67, относи-

<sup>44</sup> K. Godłowski, Z. Wozniak. Chronologia okresów późnolateńskiego i wpływów rzymskich na ziemiach polskich. Materiały do prahistorii ziem polskich, cz. V, z. 4, Warszawa, 1970, s. 7.

<sup>45</sup> R. Wołagiewicz. Stan badań..., s. 85; *idem*. Napływ importów..., s. 235—237.

мые исследовательницей к позднелатенскому периоду<sup>46</sup>. Вероятно, в пшеворе выделяется переходная фаза с фибулами типа А67 и некоторыми вариантами «N» и «O», на что обращает внимание А. Нивенгловский<sup>47</sup>.

Надо сказать, однако, что при применении абсолютной хронологии границами между периодами выглядят неправдоподобно резкими и не отражают действительность. Общеизвестно, что переход от позднего латена к раннеримскому периоду происходил постепенно и граница между ними трудно улавливается. Только дробное членение материала и выделение переходных фаз смягчает эту резкость. Тем не менее попытки уточнить хронологические рамки необходимы, только таким способом можно выявить существовавшие лакуны, которые в ряде случаев как раз помогают восстановить историческую ситуацию.

Сопоставление хронологии интересующих нас культурных областей обнаруживает некоторую асинхронность в ритмах развития, зависящую от степени доминирования кельтских или римских влияний. Наблюдается тенденция запаздывания начала римского периода по отношению к Чехии — основному культурно-политическому центру того времени. Если в Чехии он наступает с началом нашей эры, то в Западное Поморье приходит около 10 г., а обширные области пшеворской культуры охватываются новым, раннеримским стилем, только к 20—40-м годам нашей эры. Соответственны и датировки интересующих нас основных хронологических указателей поздней фазы позднелатенского периода — фибул вариантов «M» и «N», которые для Чехии характерны до рубежа нашей эры (хотя встречаются и в начале I в.), для Западного Поморья — до 10 г., для пшевора — до 20—40-х годов. Учитывать это явление необходимо и при исследовании хронологии зарубинецкой культуры, развитие которой неразрывно связано с близкими ей культурами латенского мира.

Т. Льяна указывает на запаздывание римских влияний на восточной окраине пшеворской культуры. Однако Т. Домбровская обращает внимание на слабые зарубинецко-пшеворские контакты в это же время<sup>48</sup>. В этой связи нельзя не учитывать отмеченный К. Годловским некоторый консерватизм пшеворской культуры и ее обособленность от соседних культурных областей в римский период<sup>49</sup>. Видимо, эти обстоятельства могут объяснить и замедленное проникновение римских памятников в пшевор по сравнению с Чехией. Следует ли предполагать, что в зарубинецкой культуре это запаздывание было еще значительней? Зарубинецкие материалы, по нашему мнению, не дают бесспорных фактов, на основании которых можно было бы признавать сильное запаздывание ее развития по сравнению с соседними областями. В зарубинецкой культуре долго существуют среднелатенские фибулы с треугольным окончанием ножки, но это специфическое украшение, прочно укрепившееся у зарубинецкого населения, их нельзя сравнивать с гладкими среднелатенскими фибулами из польских памятников, на смену которым пришли позднелатенские. Кстати, может быть и права Т. Домбровская, предполагающая, что появление последних в зарубинецкой культуре могло произойти раньше, чем предполагалось, а именно еще в конце I в. до н. э. Возможно, некоторое отставание действительно имело место, но когда хронологическими показателями служат такие быстро изменяющиеся формы, как фибулы, речь может идти об очень незначительной разнице.

Развитие зарубинецкой культуры протекало, конечно, самостоятельно, и ритмы ее развития могли быть иными, чем в пшеворе и оксыве, но, видимо, были очень сильны и постоянны импульсы извне и, возможно,

<sup>46</sup> T. Liana. Op. cit., s. 440, 458, 459.

<sup>47</sup> A. Niewęglowski. Masowsze na przełomie. er. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, s. 25.

<sup>48</sup> T. Dąbrowska. Wschodnia granica..., s. 200—204, 222.

<sup>49</sup> K. Godłowski. Die archäologischen Kulturzonen im Kaiserzeitlichen Mitteleuropa. «Recherches archéologiques de 1972», Kraków, 1973, S. 80, 81.

не только из области пшеворской культуры, территориально ближайшей. Нужно отметить близость между многочисленными фибулами варианта «N» с проволочной спинкой и сплошным приемником из могильников Западного Поморья и такими же из зарубинецких памятников. Не следует исключать вероятность каких-то, скорее опосредственных, контактов с Поморьем. Нельзя также забывать о связях с Чехией, о чем свидетельствуют фибулы «бойев» в полесских могильниках, где они являлись импортами, и о связях с более южными (или северными?) землями, что фиксируется находкой поясного крючка, аналогии которому ведут, с одной стороны, на Балканы, а с другой, — в ясторфскую культуру Германии. Эти вопросы еще требуют дальнейшего исследования. Основной же наш вывод сводится к следующему: при датировке позднелатенских фибул зарубинецкой культуры имеются все основания опираться на хронологию аналогичных им в оксывской и пшеворской культурах. Хронологический разрыв между определениями верхней границы позднелатенского периода этих культурных областей для наших задач не столь важен.

Самые поздние хронологические показатели для зарубинецкой культуры, фибулы позднелатенской схемы, при синхронизации с хронологией среднеевропейских памятников соответствуют фазе D (или фазе III) позднелатенского периода и обнаруживают наибольшую близость с фибулами, являющимися одним из указателей для фазы D (A<sub>3</sub>) Западного Поморья. Наиболее поздние зарубинецкие комплексы не дают никаких материалов, характерных для римского времени. Нет и других памятников, сменивших непосредственно зарубинецкие, во всяком случае на Полесье. И это не дает возможности определить, как долго зарубинцы употребляли «воинские» и «рамчатые» фибулы. Скорее всего зарубинецкая культура уже не существовала в раннеримское время. Это культура позднелатенских традиций, как отметил К. Годловский, допуская даже поздние ее датировки советскими исследователями<sup>50</sup>.

Обращаясь к абсолютной хронологии, можно со значительной долей уверенности предполагать, что в зарубинецкой культуре позднелатенские фибулы и соответственно синхронные им многочисленные фибулы зарубинецкого типа бытовали не позднее середины I в. н. э. Таким образом, и верхняя хронологическая граница зарубинецкой культуры не может выходить за пределы этого времени.

Предложенная нами конечная дата зарубинецкой культуры, возможно, вызовет возражения. Достаточным поводом для этого служит единственная фибула типа A68, найденная на могильнике Отвержици. Напомним сразу, что она, во-первых, является случайной находкой и только предполагается ее происхождение из разрушенных погребений, а во-вторых, фрагментарность фибулы (отсутствие конца ножки) может внушать некоторое сомнение в правильности ее определения. В своих выводах мы опирались только на материалы из закрытых погребальных комплексов, что, безусловно, ограничивает наши исследования, но повышает их достоверность. Нельзя быть уверенной, что новые материалы или новые разработки не потребуют дальнейшего уточнения высказанных положений. Однако на уровне сегодняшнего состояния наших источников предлагаемая датировка дает наиболее реальную картину, несмотря на то что еще больше увеличивается хронологический разрыв между концом зарубинецкой культуры и появлением на западном Полесье первых восточнопоморско-мазовецких памятников. Хронологические показатели для периода B<sub>1</sub> здесь отсутствуют, а более поздние, в частности фибулы конца I—II в. н. э., появляются лишь на окраинах ареала зарубинецкой культуры или за ее пределами, а если внутри него, то в качестве случайных находок. Таковы глазчатые фибулы из могильников Гриневичи Вельки, Рахны, из поселений Лютеж, Таценки, Синьково; случайные находки та-

<sup>50</sup> К. Godłowski. *Ukraina w okresie późnolateńskim i wpływów rzymskich*. Zeszyty naukowe Uniwersytetu. Jagiellońskiego. Prace historyczne, z. 32, Kraków, 1971, s. 190.

ких же фибул в Минской, Смоленской, Киевской областях, а также сильно профилированных типа А67-68 из Среднего Поднепровья<sup>51</sup>. Затем появляются памятники «киевского типа» и им подобные, часто неправильно относимые к зарубинецким, о чем говорилось выше. Таким образом, оказывается, что в областях, где обитали зарубинецкие племена, до второй половины II в. н. э., до прихода носителей восточнопоморско-мазовецкой культуры<sup>52</sup>, пока отсутствуют памятники, которые могли бы представлять какую-либо археологическую культуру. Возможно, в наших знаниях имеется разрыв, или отсутствие памятников отражает реальное запустение данной территории.

Пока не совсем понятно, что послужило причиной прекращения жизни зарубинецких племен в Полесье. В Среднем Поднепровье подобное явление объясняется появлением сарматов где-то в конце или середине I в. н. э.<sup>53</sup>, с которыми, однако, судя по Пироговскому могильнику, зарубинцы имели контакты<sup>54</sup>. О том, что происходило в Полесье в первой половине и середине I в. н. э., письменных сведений не имеется, но возможно, что появление в это время нового населения в Нижнем Повисленье — историческое событие, значение которого трудно переоценить, отозвалось и на изменениях в жизни населения Полесья.

*K. V. Kasparova*

## LA LIMITE CHRONOLOGIQUE RECENTE DE LA CULTURE DE ZAROUBINETZ DANS LE POLESSIE DU PRIPET

### R é s u m é

Pour comprendre exactement la situation historique au début de notre ère en Polessié, en Volhynie et dans la région du Dniepr, il faut établir avec le plus de précision possible la chronologie des monuments de la culture classique de Zaroubinetz, les isolant nettement des antiquités d'une période plus tardive. Selon plusieurs savants, ces monuments datent d'une époque qui n'est pas plus tardive que la fin du Ier s. de n. ère. L'analyse des matériaux des ensembles funéraires intacts permet de préciser cette date et de la justifier de la manière la plus convaincante. Dans l'article on étudie les indices chronologiques essentiels de la phase finale de la culture de Zaroubinetz — des fibules du type Latén tardif (dites «aux guerriers»). — dont la confrontation avec des pièces analogues des cultures de Pchévor et d'Oksyk (fig. 2) permet d'affirmer qu'elles ont été en usage vers le milieu du Ier s. de n. ère. La fig. 3 offre un schéma de synchronisation des dates relative et absolue pour certaines régions culturelles d'Europe centrale et du Polessié, pour la fin de la période Latén et le début de l'époque romaine; ce tableau permet de rapporter la plus ancienne date de la culture de Zaroubinetz en Polessié au milieu du Ier s. de n. ère. Plus tard, au stade B<sub>1</sub> (d'après K. Goldovski et T. Lianié), sur le territoire du Polessié on ne rencontre que quelques objets correspondant à cette époque; mais jusqu'à présent on n'a pas isolé de culture archéologique déterminée. C'est seulement à la fin du stade B<sub>2</sub>, dans la seconde moitié du IIe s. de n. è., qu'apparaissent ici des monuments de la culture de Pomor-orientale-Mazovetsk (ou de Velbar-Tsetsel). Les causes de la disparition des monuments de la culture de Zaroubinetz en Polessié sont peut — être liées aux événements historiques qui ont eu lieu à cette époque dans la région de la basse Vistule, à l'apparition à cet endroit d'une nouvelle population, ainsi qu'à la venue de tribus sarmates dans la région sud du Dniepr.

<sup>51</sup> В. П. Бидзиль, С. П. Пачкова. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, 160, 1969, рис. 11, 4; П. І. Хавлюк. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. Археологія, 4, 1971, стр. 84, 85, рис. 7, 7, 8; Е. В. Максимов, Ук. соч., стр. 115, табл. XIII, 5; А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 35, 36.

<sup>52</sup> Ю. В. Кузаренко. Волынская группа полей погребений и проблема так называемой готско-гепидской культуры. КСИА, АН СССР, 121, 1970, стр. 57—59; K. Godłowski. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Kraków, 1970, p. 31, 32 (по Р. Волангевичу — вельборско-цецельская культура).

<sup>53</sup> Е. В. Максимов. Ук. соч., стр. 135. М. Б. Щукин. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. АСб. ГЭ, вып. 14, 1972, стр. 52.

<sup>54</sup> А. И. Кубышев. Ук. отчет, стр. 21; его же. Отчет о раскопках могильника зарубинецкой культуры у с. Чапаевка-Пирогов, Киево-Святошинского района Киевской области в 1968 г. Архив ИА АН УССР, ФЭ 5114, стр. 23, 26, 27.